

Фрейд Зигмунд

Толкование сновидений

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
3-59

3-59 **Зигмунд Ф.**
Толкование сновидений / Фрейд Зигмунд – М.: Книга по Требованию, 2022. –
457 с.

ISBN 978-5-521-28663-8

ISBN 978-5-521-28663-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе ко второму изданію.

Тѣмъ, что со дня выхода моей книги еще не прошло десяти лѣтъ, а уже появилась потребность во второмъ ея изданіи, я обязанъ отнюдь не интересу специалистовъ, къ которымъ обращался я во введеніи. Мои коллеги—психіатры не дали себѣ труда раздѣлаться съ тѣмъ первоначальнымъ недоумѣніемъ, которое должно было вызвать въ нихъ мое новое пониманіе сновидѣній, а философы, привыкшіе смотрѣть на проблему сновидѣнія, какъ на добавленіе къ вопросамъ сознанія, не поняли, очевидно, что именно отсюда можно извлечь кое-что, ведущее къ коренному преобразованію всѣхъ нашихъ психологическихъ теорій. Отношеніе научной критики могло только подтвердить мое ожиданіе,—что участію моей книги будетъ упорное замалчиваніе ея.

Первое изданіе моей книги не могло цѣликомъ быть разобрано и той небольшою кучкою смѣлыхъ сторонниковъ, которые слѣдуютъ за мной по пути врачебнаго примѣненія психоанализа и которые по моему примѣру толкуютъ сновидѣнія, чтобы использовать это затѣмъ при лѣченіи невротиковъ. Въ виду этого я считаю себя обязаннымъ выразить благодарность тѣмъ широкимъ кругамъ интеллигентныхъ и любознательныхъ лицъ, сочувствіе которыхъ и вызвало предложеніе, спустя девять лѣтъ, взяться снова за мой трудный и во многихъ отношеніяхъ капитальный трудъ.

Съ удовлетвореніемъ могу я сказать, что исправлять и измѣнять мнѣ пришлось очень немногое. Я включилъ только кое-гдѣ новый матеріалъ, добавилъ нѣсколько замѣчаній, вытекавшихъ изъ моихъ продолжительныхъ наблюденій и мѣстами кое-что переработалъ. Все существенное же о сновидѣніи и его толкованіи, а такъ же и вытекающіе изъ послѣдняго общіе психологическіе принципы остались безъ измѣненія. Все это—по крайней мѣрѣ, субъективно—выдержало испытаніе времени. Кто знакомъ съ моими другими работами (объ этиологіи и ме-

ханизмъ психоневрозовъ), тотъ знаетъ, что я никогда не выдавалъ неготоваго и неполнаго за полное и готовое и всегда старался измѣнять свои утвержденія, когда они переставали соответствовать моимъ убѣжденіямъ. Въ сферѣ же толкованія сновидѣній я остался на своей первоначальной точкѣ зрѣнія. За долгіе годы своей работы надъ проблемой неврозовъ я неоднократно колебался и мѣнялъ свои взгляды. Только въ своемъ «толкованіи сновидѣній» я всегда находилъ твердую точку опоры. И многочисленные мои научные противники обнаруживаютъ большую чуткость, избѣгая столкновенія со мной на почвѣ проблемы сновидѣнія.

Матеріалъ моей книги, эти въ большинствѣ своемъ уже обезцѣненные давностью сновидѣнія, на примѣрѣ которыхъ я объясняю принципы толкованія сновидѣній, также оказались при пересмотрѣ не нуждающимися въ какой-либо переработкѣ. Для меня лично эта книга имѣетъ еще другое субъективное значеніе, которое я сумѣлъ понять лишь по ея окончаніи. Она оказалась отрывкомъ моего самоанализа,—реакціей на смерть моего отца, на крупнѣйшее событіе и тягчайшую утрату въ жизни человѣка. Понявъ это, я счелъ невозможнымъ уничтожить черты этого воздѣйствія. Для читателя же совершенно безразлично, на какомъ матеріалѣ учится онъ оцѣнивать и толковать сновидѣнія.

Такъ, гдѣ необходимое замѣчаніе не укладывалось въ логическую связь съ прежнимъ изложеніемъ, я заключалъ его въ квадратныя скобки.

Берхтесгаденъ, мѣто 1908 г.

Предисловіе къ третьему изданію.

Въ то время какъ между первымъ и вторымъ изданіемъ этой книги прошло девять лѣтъ,—потребность въ третьемъ ощутилась немного болѣе чѣмъ черезъ годъ. Я вполне вправѣ радоваться такой перемѣнѣ. Но если прежде пренебреженіе моимъ трудомъ со стороны его читателей я не считалъ доказательствомъ его негодности, то теперь пробудившійся къ нему интересъ не доказываетъ еще его положительныхъ качествъ.

Прогрессъ научной мысли не оставилъ въ сторонѣ и „толкованія сновидѣній“. Когда въ 1899 году я писалъ эту книгу, сексуальной теоріи еще не было, а анализъ сложныхъ формъ психоневрозовъ только еще зарождался. Толкованіе сновидѣній должно было стать вспомогательнымъ средствомъ для осуществленія анализа неврозовъ. Углубившееся изученіе послѣднихъ само въ свою очередь стало оказывать вліяніе на толкованіе сновидѣній. Ученіе о послѣднемъ пошло по пути, который недостаточно опредѣленно былъ выраженъ въ первомъ изданіи этой книги. Благодаря собственному опыту и работамъ В. Штекеля и другихъ я научился правильнѣе оцѣнивать объемъ и значеніе символики въ сновидѣніи (или, вѣрнѣе, въ безсознательномъ мышленіи). И такимъ образомъ въ теченіе этихъ лѣтъ скопилось многое, требовавшее особаго вниманія къ себѣ. Я попытался использовать все это, прибѣгнувши къ помощи примѣчаній и вставокъ въ текстѣ. Если добавленія эти угрожаютъ мѣстами переступить рамки изложенія или если не вездѣ удалось поднять первоначальный текстъ до уровня нашихъ нынѣшнихъ взглядовъ, то къ этимъ недостаткамъ своей книги я прошу снисхожденія; они являются лишь слѣдствіями и результатами быстраго темпа развитія нашего знанія. Я рѣшаюсь кромѣ того сказать заранѣе, по какимъ другимъ путямъ отклонятся послѣдующія изданія „Толкованія сновидѣній“,—если окажется въ

нихъ потребность. Они должны будутъ приблизиться болѣе къ богатому матеріалу поэзіи, міѳа, языка и народнаго быта,—съ другой же стороны, коснутся болѣе подробно, чѣмъ теперь, отношенія сновидѣній къ неврозамъ и психическимъ разстройствамъ.

Г. Отто Ранкъ оказалъ мнѣ весьма цѣнныя услуги при подборѣ матеріала, и я выражаю ему и другимъ глубокую благодарность за ихъ указанія.

Вѣна, весна 1911 г.

Научная литература по вопросу о сновидѣніяхъ. *)

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь привести доказательство того, что существуетъ психологическая техника, которая позволяетъ толковать сновидѣнія, и что при примѣненіи этого метода любое сновидѣніе оказывается осмысленнымъ психическимъ феноменомъ, которое можетъ быть въ соответствующемъ мѣстѣ включено въ душевную дѣятельность бодрствованія. Я попытаюсь далѣе выяснитъ тѣ процессы, которые обуславливаютъ странность и непонятность сновидѣнія, и вывести на основаніи ихъ заключеніе относительно природы психическихъ силъ, изъ сотрудничества или соперничества которыхъ образуется сновидѣніе. Но на этомъ пунктѣ изложеніе мое закончится, такъ какъ далѣе проблема сновидѣнія переходитъ въ болѣе обширную проблему, разрѣшеніе которой нуждается въ другомъ матеріалѣ.

Своему изложенію я предпосылаю обзоръ работъ другихъ авторовъ, а также и современнаго положенія проблемы сновидѣнія въ наукѣ; дѣлаю я это потому, что въ дальнѣйшемъ буду имѣть мало поводовъ возвращаться къ этому. Научное пониманіе сновидѣнія, несмотря на тысячекратныя попытки, ушло впередъ очень мало. Въ этомъ такъ единодушны всѣ авторы, что излишне выслушивать по этому поводу ихъ отдѣльные голоса. Въ сочиненіяхъ, списокъ которыхъ я прилагаю въ концѣ своей книги, имѣется много цѣнныхъ замѣчаній и интереснаго матеріала для нашей темы, но тамъ нѣтъ ничего или почти ничего, что касалось бы самой сущности сновидѣнія и разрѣшало бы его тайну. Еще меньше перешло, понятно, въ пониманіе интеллигентныхъ читателей—неспеціалистовъ.

Первое сочиненіе, въ которомъ сновидѣніе разсматривается, какъ объектъ психологіи, принадлежитъ, повидимому,

*) До 1900 года.

Аристотелю. („О сновидѣніяхъ и толкованіи ихъ“). Аристотель заявляетъ, что сновидѣніе дьявольскаго, а не божественнаго происхожденія; это раскрываетъ, однако, его глубокий смыслъ. Ему знакомы различные типы сновидѣній, онъ знаетъ, напримѣръ, что сновидѣніе превращаетъ мелкія раздраженія, наступающія во время сна, въ крупныя (кажется, будто идетъ черезъ огонь и горишь, когда на самомъ дѣлѣ происходитъ лишь незначительное согрѣваніе той или другой части тѣла) и выводитъ отсюда заключеніе, что сновидѣніе можетъ обнаружить передъ врачомъ первые, незамѣтные признаки начинающагося измѣненія въ тѣлѣ. Болѣе подробно изучить трудъ Аристотеля я не могъ, въ виду отсутствія необходимой подготовки.

Древніе до Аристотеля считали сновидѣніе, какъ извѣстно, не продуктомъ грезящей души, а внушеніемъ со стороны Божества: мы уже видимъ у нихъ оба противоположныхъ направленія, имѣющіяся на лицо во всѣхъ изслѣдованіяхъ сна и сновидѣнія. Они различаютъ истинныя и цѣнныя сновидѣнія, ниспосланныя спящему для предостереженія или для предсказанія будущаго, отъ тщеславныхъ, обманчивыхъ и ничтожныхъ, цѣлью которыхъ было смутить спящаго или ввергнуть его въ гибель. Это донаучное пониманіе сновидѣній вполне гармонировало съ общимъ міровоззрѣніемъ древнихъ, которое проектировало въ качествѣ реальности во внѣшній міръ только то, что имѣло реальность въ душевной жизни. Оно принимало въ соображеніе кромѣ того впечатлѣніе, которое получало мышленіе на утро отъ оставшагося воспоминанія о сновидѣніи, такъ какъ въ этомъ воспоминаніи сновидѣніе противостоитъ остальному психическому содержанію, какъ нѣчто чуждое, происходящее словно изъ иного міра. Было бы ошибочно однако полагать, что ученіе о сверхъестественномъ происхожденіи сновидѣнія не имѣетъ сторонниковъ и въ настоящее время; не говоря уже обо всѣхъ піэтическихъ и мистическихъ писателяхъ, которые изъ всѣхъ силъ стараются наполнять какимъ-нибудь содержаніемъ остатки столь обширной въ прежнее время сферы сверхъестественнаго, покуда она не завоевывается естественно научнымъ изслѣдованіемъ,—очень часто встрѣчаются чрезвычайно развитые, далекіе отъ всякихъ подозрѣній люди, которые пытаются обосновать свою религіозную вѣру въ существованіе и во вмѣстательство сверхчеловѣческихъ духовныхъ силъ именно необъяснимостью явленій сна (Гаффнеръ³²). Пониманіе сновидѣній нѣкоторыми философскими системами, напримѣръ, шед-

лингвістами, представляє собою очевидний отзвукъ твердаго убѣжденія древнихъ въ божественномъ происхожденіи сновидѣній.

Писать исторію научнаго изученія проблемы сновидѣнія тѣмъ болѣе трудно, что въ этомъ изученіи, какъ ни цѣнно оно въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, нельзя замѣтить прогресса въ опредѣленномъ направленіи. Дѣло никогда не доходило до возведенія фундамента изъ прочно обоснованныхъ результатовъ, на которомъ послѣдующій изслѣдователь могъ бы продолжить свою постройку. Каждый новый авторъ принимается за изученіе проблемы сызнова. Если бы я сталъ разсматривать авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ и про каждого изъ нихъ сообщать, какова онъ былъ возрѣнія на проблему сновидѣнія,—мнѣ пришлось бы навѣрное, отказаться отъ составленія общаго нагляднаго обзора современнаго состоянія проблемы сновидѣнія. Я предпочелъ поэтому связать изложеніе съ сущностью разбираемыхъ вопросовъ, а не съ авторами и постараюсь при каждой проблемѣ указывать, какой матеріалъ имѣется въ литературѣ для ея разрѣшенія.

Такъ какъ, однако, мнѣ не удалось осилить всю, чрезвычайно разбросанную и разностороннюю литературу вопроса, то я прошу читателей удовлетвориться сознаніемъ, что я не упустилъ ни одного существеннаго факта, ни одной значительной точки зрѣнія.

До недавняго времени большинство авторовъ считали необходимымъ разсматривать сонъ и сновидѣніе вмѣстѣ, а обычно присоединяли сюда еще и изученіе аналогичныхъ состояній, соприкасающихся съ психопатологіей, и сноподобныхъ явленій (каковы, на примѣръ, галлюцинаціи, видѣнія и т. п.) Въ противоположность этому и въ болѣе позднихъ работахъ обнаруживается стремленіе суживать по возможности тему и изслѣдовать какой-нибудь одинъ только вопросъ изъ области сновидѣній. Въ этой перемѣнѣ я вижу выраженіе того взгляда, что въ такихъ темныхъ вѣщахъ пониманія можно достичь лишь цѣлымъ рядомъ детальнахъ изслѣдованій. Я и предлагаю здѣсь не что иное, какъ такое детальное изслѣдованіе специально психологическаго характера. У меня нѣтъ основаній заняться проблемою сна, такъ какъ это ужъ почти чисто фізіологическая проблема, хотя и въ характеристикѣ сна должно быть на-лицо измѣненіе условій функціонированія душевнаго аппарата. Я опускаю поэтому и литературу по вопросу о снѣ.

Научный интересъ къ проблемѣ сновидѣнія сводится къ

слѣдующимъ отдѣльнымъ вопросамъ, отчасти скрещивающимся другъ съ другомъ.

а) Отношеніе сновидѣнія къ бодрствованію. Наивное сужденіе пробуждающагося чловѣка предполагаетъ, что сновидѣніе,—если и не происходитъ изъ другого міра,—то во всякомъ случаѣ переноситъ его самого въ этотъ чуждый міръ. Старый физиологъ Бурдахъ⁸⁾, которому мы обязаны добросовѣстнымъ и остроумнымъ описаніемъ явленій сновидѣнія, выразилъ это убѣжденіе въ довольно часто цитируемомъ положеніи (стр. 474): «...жизнь дня съ ея тревоженіями и переживаніями, съ радостями и горестями никогда не воспроизводится въ сновидѣніи; послѣднее стремится скорѣе вырвать насъ изъ этой жизни. Даже когда вся наша душа преисполнена одной мыслію, когда острая боль разрываетъ наше сердце или когда какая-либо цѣль поглощаетъ цѣликомъ весь нашъ разумъ,—даже тогда сновидѣніе оживляетъ нѣчто совершенно своеобразное, или же беретъ для своихъ комбинацій только отдѣльные элементы дѣйствительности или же, наконецъ, входитъ въ тонъ нашего настроенія и символизируетъ дѣйствительность».

Въ аналогичномъ смыслѣ высказывается и Л. Штрюмпель⁶⁶⁾ въ своемъ справедливо прославившемся изслѣдованіи природы и возникновенія сновидѣній. (стр. 16): «Кто грезитъ, тотъ уносится изъ міра бодрственнаго сознанія... (стр. 17): «Въ сновидѣніи совершенно исчезаетъ память относительно строго упорядоченнаго содержанія бодрственнаго сознанія и его нормальныхъ функцій...» (стр. 19): «Почти полное отдѣленіе души въ сновидѣніи отъ осмысленнаго содержанія и теченія бодрственнаго состоянія».

Подавляющее большинство авторовъ придерживается, однако, противоположнаго мнѣнія относительно взаимоотношенія сновидѣнія и бодрствованія. Такъ, Гаффнеръ³²⁾ (стр. 19): «прежде всего сновидѣніе служитъ продолженіемъ бодрственнаго состоянія. Наши сновидѣнія стоятъ всегда въ связи съ представленіями, имѣвшими мѣсто незадолго до того въ сознаніи. Такое наблюденіе найдетъ всегда нить, которой сновидѣніе связано съ переживаніями предшествующаго дня». Вейгандтъ⁷⁵⁾ прямо противорѣчитъ вышеупомянутому утвержденію Бурдахъ: «Очень часто, повидимому, въ огромномъ большинствѣ сновидѣній можно наблюдать, что они возвращаютъ насъ въ повседневную жизнь, а вовсе не вырываютъ изъ нея». Морп⁴⁸⁾ говоритъ въ своей лаконической формулѣ «Nous rêvons de ce que nous avons vu, dit, désiré ou fait». Иессень³⁶⁾ въ своей

психологіи, появившейся въ 1855 г., высказывается болѣе подробно: «Болѣе или менѣе содержаніе сна всегда опредѣляется индивидуальностью, возрастомъ, поломъ, общественнымъ положеніемъ, умственнымъ развитіемъ, привычнымъ образомъ жизни и фактами всей предшествующей жизни».

Древніе никогда не представляли себѣ иначе взаимозависимости сновидѣнія и жизни. Я цитирую по Радештоку ⁵⁴⁾ (стр. 139): Когда Ксерксъ передъ походомъ на грековъ не послушался добрыхъ совѣтовъ, а послѣдовалъ воздѣйствію постоянныхъ сновидѣній, старый толкователь сновъ, персѣ Артабанъ, сказалъ ему очень мѣтко, что сновидѣнія въ большинствѣ случаевъ содержатъ то, о чемъ думаетъ человекъ въ бодрственномъ состояніи.

Въ стихотвореніи Лукреція, *De rerum natura*, есть одно мѣсто (IV, 959):

«Et quo quisque fere studio devinctus adhaeret, aut quibus in rebus multum sumus ante morati atque in ea ratione fuit contenta magis mens, in somnis eadem plerumque videmur obire; causidici causas agere et componere leges, induperatores pugnare ac proelia obire» и т. д.

Цицеронъ (*De Divinatione* II) говоритъ то же, что по томъ Мори:

«Maximeque reliquiae earum rerum moventur in animis et agitantur, de quibus vigilantes aut cogitavimus aut egimus».

Противорѣчіе обоихъ этихъ воззрѣній относительно взаимоотношенія сновидѣнія и бодрствованія, повидимому, дѣйствительно неразрывно. Здѣсь умѣстно вспомнить о Ф. Гильдебрандтѣ ⁵⁵⁾ (1875), который полагаетъ, что своеобразныя особенности сновидѣнія вообще нельзя описать иначе, какъ посредствомъ «цѣлаго ряда контрастовъ, которые переходятъ часто въ противорѣчія», (стр. 8). «Первый изъ этихъ контрастовъ образуетъ, съ одной стороны, полная отдѣленность и замкнутость сновидѣнія отъ дѣйствительной, реальной жизни и, съ другой стороны, постоянное соприкосновеніе ихъ другъ съ другомъ, постоянная ихъ взаимозависимость.—Сновидѣніе есть нѣчто строго отдѣленное отъ дѣйствительности, пережитой въ бодрственномъ состояніи,—такъ сказать, герметически замкнутое бытіе, отрѣзанное отъ дѣйствительной жизни непроходимой пропастью. Оно отрываетъ насъ отъ дѣйствительности, убиваетъ въ насъ нормальное воспоминаніе о ней, переноситъ насъ въ другой міръ, въ другую среду, не имѣющую рѣшительно ничего общаго съ дѣйствительностью...» Гильдебрандтъ гово-

рить далѣе, что во снѣ все бытіе наше словно исчезаетъ за «невидимой дверью». Во снѣ ѣдешь, напримѣръ, на островъ св. Елены и привозишь живущему тамъ Наполеону превосходный, дорогой мозельвейнъ. Эксъ-императоръ встрѣчаетъ очень любезно. Чувствуешь положительно жалость, когда пробужденіе разрушаетъ интересную иллюзію. Но начинаешь сравнивать сновидѣніе съ дѣйствительностью. Виноторговцемъ ты никогда не былъ и быть не хотѣлъ. Морского путешествія не совершалъ и во всякомъ случаѣ никогда не отправился бы на св. Елену. Къ Наполеону вообще не питаешь никакой симпатіи, а скорѣе врожденную патріотическую ненависть. И вдобавокъ тебя не было еще на свѣтѣ, когда на островѣ умеръ Наполеонъ. Думать о какой-либо личной привязанности нѣтъ никакихъ основаній. Все сновидѣніе представляется въ видѣ какого-то чуждаго феномена.

«А все же», продолжаетъ Гильдебрандтъ «мнимое противорѣчіе вполнѣ правдиво и правильно. На мой взглядъ, эта замкнутость и обособленность идетъ рука объ руку съ наитѣснѣйшей связью и общностью. Мы можемъ сказать даже: что бы ни представляло собою сновидѣніе, оно беретъ свой матеріалъ изъ дѣйствительности и изъ духовной жизни, разыгрывающейся на фонѣ этой дѣйствительности. Что бы оно ни дѣлало съ нимъ, оно никогда не отдѣлится отъ реального міра и его самыя комичныя и странныя формы должны будутъ всегда черпать свой матеріалъ изъ того, что либо стояло передъ нашими глазами въ дѣйствительной жизни или же уже заняло такъ или иначе мѣсто въ нашемъ бодрственномъ мышленіи,—короче говоря, изъ того, что мы пережили внѣшне или внутренне».

в) Матеріалъ сновидѣнія.—Память въ сновидѣніи. То, что весь матеріалъ, образующій содержаніе сновидѣнія, такъ или иначе происходитъ отъ реальныхъ переживаній и во снѣ лишь воспроизводится, вспоминается, это по крайней мѣрѣ должно быть признано безспорнѣйшимъ фактомъ. Но было бы ошибочно полагать, что такая взаимозависимость содержанія сновидѣнія съ бодрственнымъ состояніемъ безъ всякаго труда можетъ быть констатирована поверхностнымъ изслѣдованіемъ. Ее приходится отыскивать очень долго, и въ цѣломъ рядѣ случаевъ она остается вообще скрытой. Причина этого заключается въ цѣломъ рядѣ особенностей, которыя обнаруживаетъ память во сновидѣніи и которыя, хотя и всегда отмѣчались, однако, не нашли еще себѣ удовлетворительнаго объясненія.